

## СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. ПРИЗРАКИ ФОРТА РОСС . . . . .	5
Глава вторая. ПОКОЙНИК В КУПЕ . . . . .	26
Глава третья. КОРОЛЕВА СУБМАРИН . . . . .	45
Глава четвертая. ПРОРОЧЕСТВО ГРОЗЫ БЛЕДНОЛИЦЫХ . . .	60
Глава пятая. ЧЕЛОВЕК-ВОЛК . . . . .	80
Глава шестая. ШАМАНЫ, КОЛДУНЫ И ДУХИ . . . . .	104
Глава седьмая. ПРИГОВОР СЕДОМУ МЕДВЕДЮ . . . . .	125
Глава восьмая. ЧЕРНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ . . . . .	144
Глава девятая. БАРЫШНЯ, ОТСТАВШАЯ ОТ ПОЕЗДА . . . . .	164
Глава десятая. ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ . . . . .	177
Глава одиннадцатая. РАНДЕВУ У ПРЕЗИДЕНТА И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ . . . . .	201
Глава двенадцатая. ИНАЧЕ — СМЕРТЬ! . . . . .	222
Глава тринадцатая. НЕ ДВОРЕЦКИЙ, А КОРСАР . . . . .	237
Глава четырнадцатая. ИЗБЫТОЧНАЯ ЗАЩИТА . . . . .	257
Глава пятнадцатая. ДВА ШПИОНА, ДВА ДИПЛОМАТА . . . . .	286
Постскриптум . . . . .	318

## Глава первая

### ПРИЗРАКИ ФОРТА РОСС

Микроскопический городишко Йерба Буэна, основанный испанцами в тысяча семьсот семьдесят шестом году на берегу Тихого океана у пролива Золотые Ворота, был настолько ничтожным, что, согласно преданиям, лошади, коровы и овцы в нем уверенно преобладали над родом человеческим. Этого, впрочем, следовало ожидать: Йерба Буэна с испанского переводится как «добрая трава», наличие же оной предполагает пасущийся на этой самой траве крупный и мелкий рогатый скот, а вовсе не людей, которые, при всей их изощренности и прихотливости, до прямого жевания травы доходят редко и предпочитают что-то более удобоваримое. Впрочем, уверенно говорить о количестве, а главное, качественном превосходстве скота над гомо сапиенс в тогдашней Йерба Буэне трудно, поскольку коров, овец и лошадей регулярно пересчитывали их хозяева, людям же никто точного учета не вел.

В тысяча восемьсот двадцать первом году Мексика стала самостоятельной, и Йерба Буэна от испанцев перешла под мексиканскую руку, что, однако, никак не повлияло ни на людей, ни на опекаемых

ими сельскохозяйственных животных. На этом, правда, приключения городка не кончились — в конце американо-мексиканской войны он отошел к Соединенным Штатам и переименовался в Сан-Франциско.

Но подлинную революцию здесь произвело не переименование даже, а калифорнийская золотая лихорадка. В тысяча восемьсот сорок восьмом году на реке с патристическим названием Американ-Ривер обнаружилось золото. Немедленно вслед за этим в Калифорнию со всего света ринулись сотни тысяч бескорыстных поклонников благородного металла, именуемых в народе золотоискателями. За какие-то пару лет население Сан-Франциско увеличилось с тысячи человек до двадцати пяти тысяч, которые навели там такого шороху, какого мир не знал со времен изгнания из рая Адама и Евы.

Меньше чем через десять лет золотая лихорадка выдохлась, однако за это время старозаветные порядки истребились тут окончательно, и все последующие десятилетия человеческого поголовье города росло такими темпами, которые не снились даже кроликам. К началу двадцатого века Сан-Франциско населяли без малого триста сорок три тысячи человек, а сам город, по твердому убеждению местных жителей, сделался американским Парижем. Нужно ли говорить, что из здешних обывателей настоящего Парижа никто и в глаза не видел? Но разве те патристы, кто называет свои родные края земным раем, видели рай настоящий, небесный? Нет, да этого и не требуется — достаточно лишь всеобъемлющей, всепоглощающей любви к своей земле, а уж этого у граждан Сан-Франциско хватило бы на три города.

Впрочем, как гласит пословица, в семье не без урода, или, точнее говоря, одна паршивая овца все стадо может довести до цугундера. Таковой овцой следовало бы считать мистера Эндрю Тимоти, инженера, работавшего в конструкторском бюро Швана, Бэттери-стрит, дом 6. Справедливости ради заметим, что паршивость этой овцы была под большим вопросом — вся вина господина Тимоти перед американским человечеством состояла в том, что по происхождению он был русским и больше любил не родную Калифорнию, а никогда им не виданные просторы дикой заснеженной России. Просторы эти в красках живописал его отец, Питер Тимоти, который, Впрочем, тоже их не видел, но ему, в свою очередь, поведал о них дед Эндрю — Майкл Тимоти.

В связи с вышесказанным стоит, вероятно, уточнить, что имя молодого человека при крещении звучало как Андрей Тимофеев. Но, как говорится, с волками жить — по-волчьи выть. Понятно, что ни один добропорядочный американец в жизни бы не выговорил столь сложного имени, как Андрей, и столь сложной фамилии, как Тимофеев. Вот поэтому молодой перспективный инженер и звался Эндрю Джон Тимоти, а русское его имя употреблялось только дома, в тесном кругу родственников, членами которого были сам Эндрю и его отец.

Как уже говорилось, Эндрю не был иммигрантом в первом поколении — первым завыл на американский манер его отец, Петр Михайлович Тимофеев, или, для простоты, Питер Майкл Тимоти. Петр Михайлович Тимоти, Впрочем, тоже родился не в России, а в Америке, точнее сказать, в знаменитом поселении Форт Росс. Это была русская крепость в пятидесяти милях от Сан-Франциско, который то-

гда еще назывался Йерба Буэна. В тысяча восемьсот двенадцатом году Форт Росс основала знаменитая Российско-американская компания, славная в первую очередь добычей пушнины и иными мохнатыми начинаниями.

— Что за чушь, — ворчал Петр Михайлович Тимоти, характер которого сильно испортился в последние годы — с тех пор, как добрые люди сожгли его лесопилку, после чего единственным источником существования для семьи сделалась работа его сына Эндрю в конструкторском бюро. — Я говорю, чушь собачья! Не было никакого Форта Росс, это все выдумки досужих гринго. Наша с тобой малая родина, сынок, называлась крепость Росс или даже колония Росс, в крайнем случае — поселение Росс. А Форт Росс — это дурацкое американское название на дурацком американском языке. Крепость Росс — и никаких фортов, так она звалась от сотворения мира, слышишь меня, сынок?

Когда Петр Михайлович сердился, седые его кустистые брови хмурились, тонкие губы поджимались и все лицо делалось одновременно горделивым и неприязненным. А сердился он теперь почти постоянно и по этому поводу выпивал, пожалуй, несколько больше, чем это показано американскому джентльмену с русскими корнями. Единственным, что спасало его от полного погружения в мизантропию, стала его давняя страсть к рисованию. Тимоти-старший был художником-любителем, и стены их дома все были завешены его картинами — надо сказать, весьма недурными для дилетанта.

Отец Эндрю и сейчас продолжал писать, однако силы были уже не те, и вместо больших живописных полотен он все чаще обращался к эскизам и наброс-

кам, проще говоря, к графике, которая не требовала больших усилий, а главное — обязательного завершения.

Доктор Грегори Шилдс, с которым втайне от отца консультировался Тимоти-младший, сказал, что беспокоиться не нужно — искусство способно исцелять не хуже, чем бутылка доброго шотландского виски.

— Потеря лесопилки стала для вашего отца серьезным потрясением, в своих воспоминаниях он снова и снова возвращается к этому драматическому эпизоду, — объяснял доктор Шилдс. — Это могло бы стать причиной психического расстройства, но, к счастью, организм человеческий имеет некоторые способы защиты от такого рода расстройств. Знаменитый психиатр Теодор Мейнерт учит нас, что сознание стремится изгнать неприятные воспоминания, вытеснить их. Надежнее всего это делается при помощи инструментов. А наилучшим инструментом для вытеснения, на мой взгляд, является именно искусство. Так что пусть мистер Тимоти продолжает рисовать.

И мистер Тимоти продолжал рисовать, попутно возвращаясь мыслями к воспоминаниям более приятным, таким как страна его детства, удивительная крепость Росс.

— Да-да, — кивал Тимоти-старший, — мы жили в крепости Росс и были счастливы, как только могут быть счастливы русские патриоты, оказавшиеся за пределами России. Это был кусок нашей обожаемой родины — далекой, почти недостижимой, которую мы, дети крепости, никогда и в глаза не видели, а оттого любили ее в два раза сильнее. Но потом пришли американцы — ты слышишь, сынок, пришли эти постылые гринго — и переназвали все на

свой лад. А мы, русские люди, уже ничего не могли поделаться, потому что государь император Николай Первый продал нас за три копейки, а точнее, за сорок три тысячи рублей серебром этому надутому индюку Джону Саттеру, и наша дорогая крепость Росс обратилась в Форт Росс, а мы в глазах гринго уже ничем не отличались от негров или даже индейцев. В одно мгновение все граждане крепости Росс и ее окрестностей превратились в голожопых иммигрантов, каких тут и без нас хоть пруд пруди.

Эндрю Джон Тимоти, уютившийся за письменным столом, калькировал чертежи и, увы, слушал отца вполуха. Он любил отца и жалел его, но невниманию Тимоти-младшего, скажем откровенно, имелись некоторые причины. Начать с того, что слезную эту историю Эндрю слышал уже не в первый раз и наверняка не в последний. Кроме того, его обуревали заботы куда более серьезные, чем мерзкие гринго, вероломно разрушившие русскую идилию.

Бюро Швана, в котором он служил, к началу двадцатого века захирело и уже попросту дышало на ладан. Это означало, что в ближайшее время Тимоти-младший либо найдет себе новую работу, либо выйдет на паперть с протянутой рукой. Второй вариант пугал его не на шутку, тем более что он собирался жениться на очаровательной Мэри Остин.

Конечно, в любви не деньги главное, скажет какой-нибудь мечтатель — и попадет пальцем в небо. Деньги важны даже для какой-нибудь скво<sup>1</sup> из племени шайеннов, а двадцатидвухлетняя мисс Остин

---

<sup>1</sup> То есть женщина.

была настоящей англосаксонской барышней. Да, предки ее не приплыли на знаменитом корабле «Мэйфлауэр», который в тысяча шестьсот двадцатом году пристал к берегам Новой Англии и с которого на берег сошли отцы-основатели. Тем не менее семья мисс Остин была вполне обеспеченной, и на матримониальном горизонте Сан-Франциско Мэри занимала весьма достойное место. Иными словами, недостатка в кавалерах она не испытывала.

И хотя мисс Остин явно выделяла мистера Тимоти из числа остальных ухажеров, которые слетались на юную и очаровательную барышню как пчелы на мед, но должное впечатление требовалось произвести не только на девушку, но и на ее отца, мистера Уильяма Говарда Остина. Каких-то пару лет тому назад, когда лесопилка Тимоти-старшего работала исправно, особенных проблем с этим не возникло бы. Но сейчас положение сильно ухудшилось. Лесопилка сгорела, а сбережения Тимоти-младший все почти потратил на строительство и обкатку изобретенных им двигателей, которые, по его мысли, должны были принести ему славу нового Рудольфа Дизеля.

Впрочем, слава и деньги пока лишь неясно маячили на горизонте, ближайшие же финансовые перспективы инженера были весьма сомнительны. Вот почему Эндрю был сейчас так озабочен, так рассеянно слушал отца, и даже работа не могла отвлечь его от мрачных мыслей.

Отец же Эндрю, разумеется, ни о чем таком даже не догадывался. Он сидел в плетеном кресле, на столике перед ним возвышалась большая бутылка с вишневой наливкой, уже почти ополовиненная, сам же Тимоти-старший, охваченный приступом мизантро-

пии, раздраженно щелкал желтым от табака ногтем по пустому стакану.

— Опять кто-то копался в нашей почте, — вдруг объявил он. — Это уже не в первый раз, сынок, это не в первый раз.

Эндрю оторвался от чертежей, лицо у него сделалось озабоченным.

— В почте? — повторил он. — Что-то пропало?

— Газеты все на месте, — отвечал Тимоти-старший, — но письмо от мистера Данди вскрыто. Ей-же-ей, я убью этого почтальона, не будь я Питер Майкл Тимоти!

— Не надо, папа, почтальон тут ни при чем, — хмуро проговорил сын.

— А кто же, по-твоему, при чем? — отец перевел на него внимательный взгляд.

Эндрю, конечно, мог сказать, что причина всех странностей — его последнее изобретение, но воздержался. Не надо отцу ничего знать, у него и без того нервы ни к черту. Тимоти-старший между тем не успокаивался.

— Говорю тебе, тут орудуют какие-то мерзавцы. Ты помнишь, что было на прошлой неделе?

Эндрю, разумеется, помнил все. На прошлой неделе кто-то пытался влезть к ним в дом, однако взломщика спугнул отец. По счастью, с тех пор, как сожгли лесопилку, Тимоти-старший целыми днями сидит дома, чередуя выпивку с производством эскизов, на которых обрывистые берега Форта Росс соседствуют с фигурами индейцев, вооруженных луками и утыканных орлиными перьями.

Когда-нибудь он откроет отцу всю правду. Когда-нибудь, но не сейчас. Сейчас надо во что бы то ни стало выдержать все испытания, и наградой ему

станет богатство, и свобода, и Мэри, которую он поведет под венец. Впрочем, если дело пойдет так дальше, до этих славных времен можно и не дотянуть. Надо что-то делать — но что?

— Кругом одни беззакония, — говорил между тем отец. — И власти смотрят на них сквозь пальцы. Беззаконие, безнравственность, повальные забастовки и суфражистки — вот что погубит Америку. И не только Америку. Дело идет к концу света, помни мои слова, сынок. И хуже всего то, что мы с тобой будем при нем присутствовать. Клянусь потрохами пророка Моисея, лучше бы меня пристрелили гуроны и вывесили мой скальп в своем вигваме, а их меднокожие скво сшили бы из того, что от меня останется, сумки и мокасины.

Эндрю, кажется, ничуть не удивился такому волеизъявлению, но лишь заметил, что гуроны в Калифорнии никогда не жили, их природные места обитания гораздо севернее, в Канаде.

— Ради такого дела могли бы спуститься и поужинать, — ворчал отец, наливая себе новую порцию наливки. — А кто у нас жил?

— Не знаю, отец, не помню, — терпеливо отвечал Эндрю. — Пайюты, кажется, еще мохаве... Уошо, йокуты.

— Не йокуты, а якуты — вот как правильно звать их по-русски, — сердился Петр Михайлович. — К черту такая жизнь! Пусть лучше с меня наши родные якуты снимут скальп, и пусть я героически погибну в индейских войнах, как и положено белому человеку.

Сын очинил затупившийся карандаш и заметил, что Петр Михайлович безнадежно опоздал: индейские войны закончились с десяток лет назад.